

смотреть, сам спрятался, сидел до ночи. Перед вечером он увидел лодку, в лодке было двое: старуха и мальчик. Подъехали к берегу смотреть дупло. Он их схватил, старуху и мальчика, и стал расспрашивать: в которой веже живет предводитель и живет ли у него такая женщина. Старушка говорит: „Она (женщина) в той веже, где живет предводитель, и предводитель держит ее в цепях. Женщину из-за того и не убили, что она очень красивая. Предводитель пускает ее вечерами носить воду на поводу, в цепи, а сам держит конец цепи“. Тут Ляйн у старухи и мальчика свернул шеи, и, когда день стемнел, поехал на остров. Приехал тихонько, пристал и спрятался около тропинки: начал ждать жену, когда пойдет за водой. Немного времени прошло, жена вышла за водой. Он окликнул жену, жена зашептала: „Куда ты пришел, погибнешь!“ Ляйн говорит жене: „Погибнем — так вместе“. Предводитель женщину за цепь дергает: „Что так долго?“ Тут Ляйн учит жену: „Когда я вежу затрясу, — сам вынул нож и отдал жене, — ты быстро выбеги и прикрой дверь, а ножом отрежь пояс и спрячься в такое место“. (Он указал, в какое место). Жена пришла в вежу, предводитель говорит: „Мария, что так кровь играет, Ляйн что ли близко?“ Только речь окончил, вежа затряслась, и Ляйн сказал: „Я тут и есть“. Когда предводитель посмотрел наверх, в этот момент женщина выбежала на улицу, а Ляйн во второй раз потрянул вежу, и вежа упала, предводителя задавила. Тут Ляйн за ночь убил всех шведов на острове и которые были вокруг озера. Потом он взял жену и отправился обратно в свои края.

Железнякова Анна Висильевна,
1888 г. рожд.

Записала В. Н. Железнякова, 1958 г.

15. Čud'zjav'r' žitei'

jillen nel'j vil'j. ext vil'jis't', T'ahpnes't' l'jjen' kuxt njid'
ja kuxt al'k ext al'k' kohčis Sel'jan, a njm'm'p' kohčis Vul'se. puarsa
njit' kohčis Olesava, a nura l'ai Mar'j. Sel'jan miret' kábsez,

sõn kohčis Mädrēn. Mädrēn' l'aj vaivaš rodhilin: adzes' jome kidda, a sji pud'd'en' mēr rindis't' i Čudžjavris't' jen'nes' jome. njiit' kuddii exte, buše pirses't' al'l'ji nik'e. sonn лueix'k', što adž jome i jen'n' jome, porre al'l'a men. маҥа jurrt, kaba Seljan valtač, son'n'e tamp'e l'ahč šig'.

i čehča peštem bāl' sonn vijjel' sjiije kut'en' aaten'. sonn vji per'e vexta jeles' jav'r' mil'te. Čudž n'škes' Kuans javvra. sonn tãge vijje, mene per't luz. p'enna uggov, a vuesta' ei viitma nik'e, a tages't' suvv peijan. tol'ko uks avvin', njite vil'set' Maškja. sonn uks udlen'n'e kah'tel'. Mädrēn' aatet' kārst' čul mur'r'e, vižes't' маҥа per'r'te. tate čil'met' risste, a uinnis': ženix' arr paitxa, kid lev silkas korma. njm'm'p' ugla vil'set' — Olesava arr paitxa: kid lev siakas korma. маҥа mãze siakas vil'set': ženix' arr paitxa: ässe son al'n' puk lev kiškma.

sonn olkes vel'l'ji, aatat' tabet' ja ište kerlet't'e: mãze päčke. kut'bel't' čuat karēt' i t'aš rast mene. p'enne uggov, äate pελλov, sonn gu äatat' pirs kãvsah't, t'aš tenne ii vuaja evtes't' päphahte. njiit' surken', što T'ahpan kal'l'es' puadd, dak son kãrr. t'aš päpελ, kuargud'e, a p'enna uggov jev sõn ελ, a peijel' sõn. маҥа kehč: kal'sa vedž ja sõn eevd'z'e. pud'e, son'jn' tirvhed'e. lamč vâl'te, njm'm'p' kides't' njiit' i čist' en'te: vige ižkan vueλλα korre aatet'. njiit' ten'n'e kãhč per'r'te, njiit' ii vueakce, sonn c'allk: „jel' pελ, jel' pεl'“. маҥа kadž njid': „lijjek' ali egg per'tes't'?“ a njiit' c'allk: „am lji“. kal'l'es' sarrn a idž sijnlast. surjen' per'r'te, njiit' čil'met' risst, a ženix' paitxa arr, kid korma. T'ahpan Mädrēn'n'e sarrn: „munn iñcih sentlais'te, am jenne sinet' korsell'e“. aitmušše, Olesava lust'e, i c'allk: „pit' žen'xe odd rups'es' pait, ja idž tuvned'. pi sammar avvte, kus's pud'e“ — ä idž vancel' miak piñh'te, ja kuxt маҥа juik. kal'l'es' idž v'är pje puit kippte Mädrēn' vueik'e. porre ištet' Mädrēn' ja Seljan päat. a Mädrēn' ii vuai porre, pαλλ čofta. kal'l'es' uIn: kãbsez ii por, kaln'. puit vueñč son'n'e kipta, korre tumsin', an' маҥа per'tes't' pärr. en'te Olesava vehk'en'. säimet' juš'te njm'm'p' p'aiva kaska jav'r'. sji Olesavan' rãmgud'd'en' i vijlen, men'n'jn' ja лавλεškud'd'en'. njm'm'p' iija juš't'en' kaxc saim. Olesava mãze vidze'l' per'r'te Kuans javvra, a njiit' mene Čudž javvra kuadn'e. pud'e mãze i лueix'k' izes,

vunxem jalmuš. tes't' sonn cil'ke: „tal'va k'ebə ji puadče, a ah'ken Sel'janna am vul'k kalasa vuəike“. tal'va uitt'e kujje Mut'k' žen'x'i. sijit kəsk l'ai čud'd' nel'j vir's'tə. a Sel'jan maŋa vâl'te puer'es' njit'. adžis' vuəike nike nura ji vuəlka.

¹ Большинство личных имен саамов Кольского полуострова заимствовано у русских в связи с распространением православия.

² *vuəsta* 'навстречу' выступает и в качестве послелога и в качестве наречия.

15. Чудзъяврский житель

Жили четыре брата. У одного из братьев, у Степана, были две дочери и два сына. Одного сына звали Савельяном, а другого звали Алексеем. Старшую дочь звали Олесавой, а младшую Марией. Савельян засватал невесту, ее звали Матреной. Матрена была от бедных родителей: отец умер весной, а они пришли от берега моря, и в Чудзъявре умерла мать. Девушка осталась одна, больше в семье никого не было. Она плачет, что отец умер и мать умерла а есть нечего. Затем думает: если бы Савельян взял ее, ей там хорошо стало бы.

Осенью, в Заговенье, она поехала к ним на двух важенках. Она едет очень быстро по только что замерзшему озеру из Чудзъявра в Каньозеро. Она туда доехала, подошла к дому. Собаки лают, встречать не вышел никто, а из камелька поднимается дым. Только дверь приоткрылась, выглянула Машка. Она дверь быстро захлопнула. Матрена важенок привязала к нащепи и затем прибежала в домик. Хотела перекреститься (букв.: глаза перекрестить), а увидела: жених сидит без рубашки, руки связаны за спиной. Посмотрела в другой угол: Олесава сидит без рубашки, руки связаны за спиной. Потом оглянулась назад: мать же-ниха сидит без рубашки, вся одежда на ней порвана.

Она выбежала на улицу, важенок схватила, села и поехала — решила убежать. Наехала на пень, и тяж порвался. Собаки лают, важенки боятся; она как только важенок кругом повернет — тяж не может застегнуть. Девушка испуга-

лась, что Степан старик придет и ее завяжет. Тяж стянула, стала шивать, а собаки лают не на нее, а через нее. Потом смотрит: старик бежит и преграждает дорогу ей. Подошел, поздоровался с ней. Веревку взял, в другую руку взял девушку и приветствовал ее (букв.: честь дал); под окно привязал важенок. Девушку зовет в дом, девушке не хочется идти, а он говорит: „Не бойся, не бойся“. Потом спрашивает девушку: „Была ли, нет в доме?“ А девушка говорит: „Не была“. Старик говорит, а сам улыбается. Вошли в дом, девушка крестится, а жених перед ней без рубашки, и руки связаны [сзади]. Степан Матрене говорит: „Я утром рассердился, немножко их связал“. Сначала пустил Олесаву и говорит: „Принеси жениху новую красную рубашку и сама приоденься. Поставьте самовар греться, гость приехал“, — а сам пошел за грудинкой и двумя задними ногами [оленя]. Старик сам суп принес, жир сварил для Матрены. Обедать посадил Матрену и Савельяна рядом. Матрена не может есть, очень боится. Старик видит: невеста не ест, стесняется. Жирное мясо, для нее сваренное, он завернул ей подарком: пусть позже дома поест. Дал Олесаву помощницей. На второй день они спустили под лед сети посреди озера. Они с Олесавой очень обрадовались, поехали и ^кзапели. Во вторую ночь спустили восемь сеток. Олесава обратно побежала в Каньозеро, а девушка поехала обратно в вежу, в Чудзъявр. Вернулась назад и плачет о своей несчастной жизни. Тут вот приговаривала: „Кто бы зимой ко мне ни приехал, я к Савельяну женой не пойду из-за старика“. Зимой она вышла замуж за жениха из Мотки. Расстояние между селениями сто четыре километра. А Савельян потом взял старую деву. Из-за отца никто из молодых девушек не пошел за [него].